

*Ивану
с благодарностью и уважением*

Ведь если вдуматься, то люди, в сущности, тоже, быть может, пожалуй, со всеми оговорками, заслуживают тщательного ухода.

Евгений Шварц, «Дракон»

Конечно, она испугалась, но виду не подала.

— Вы кто?!

Тень в освещенном дверном проеме сделала некое движение, то ли скукожилась, то ли качнулась в сторону.

— Никто.

Голос мужской. Такой довольно... значительный.

— Значит, так, — быстро и решительно сказала Лиза, — раз вы никто, значит, я вызываю милицию.

— Воля ваша, — отозвалась тень неожиданными словами, совершенно непригодными для застуканного в неполюженном месте бомжа. В том, что он — или оно, это нечто внутри тени, — именно бомж, Лиза нисколько не сомневалась. Заглянув ему за спину, Лиза увидела в полумраке гаража горбатый странный силуэт — и догадалась.

Ура!..

— Вы водитель, да? — живо спросила она. — Соседи приехали, да?

Ей очень хотелось, чтобы — да, он был водитель, и чтобы приехали соседи, которые отродясь на дачу не приезжали, чтобы его появление объяснялось чем-то простым и нестрашным и не пришлось «вызывать милицию» — откуда она возьмется, эта самая милиция, в дачном поселке?!

— Нет, — подумав некоторое время, отозвался бомж, словно не сразу сообразив, водитель он или все-таки не водитель, и Лиза опять изо всех сил напряглась, так что даже жарко стало.

— Что — нет?!

— Я не водитель.

— Тогда я вызываю милицию! — глупо бухнула она. Кажется, она это уже говорила.

Тень помолчала, а потом кротко попросила:

— Разрешите, я пройду.

— Ку... куда?! Куда вы пойдете?!

Но он, очевидно, решил, что разговаривать с ней больше нет никакого толку, и, обходя ее по широкой дуге, двинулся к воротам. Он сильно сутулился, шаркал ногами, и по сгорбленной спине трудно было определить, сколько ему лет — то ли шестьдесят восемь, то ли семьдесят три, то ли четырнадцать, просто уж так сильно измучен паленой водкой, или кокаином, или чем-то в этом роде.

Господи, если в ее гараж нашли путь местные алкаши и наркоманы, все пропало! Они выломают двери, украдут весь инструмент, угонят ее машину, а саму Лизу зарежут. Наркоманы и алкаши всегда так делают.

— Я поменяю все замки, — вслед удаляющейся спине прокричала Лиза, — и дом на охране, можете не рассчитывать на легкую добычу!

Стукнула щеколда, проскрипели петли, и все стихло. Бомж пропал из поля ее зрения, как будто и не было его.

Ну вот что теперь делать?! Кому жаловаться?! Как спастись?!

Милиция ни при чем, конечно. Милиция — это такая волшебная организация, которая как бы есть, и

одновременно ее как бы и нет. И ничего ужасного!.. Лиза, как большинство здравомыслящих людей, прекрасно сознавала актуальность лозунга о том, что «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Хочешь жить — спасайся, как можешь и как знаешь, и вопросы своего личного частного спасения на других людей не перекладывай! Почему они-то должны тебя спасать? Им что, больше заняться нечем?!

Нужно позвонить Максиму Громову, шефу службы безопасности Лизиной конторы. Позвонить, объяснить ситуацию, подобострастно выслушать советы и утешения. Макс, четверть века отслуживший во всякого рода спецподразделениях, абсолютно искренне считал все проблемы «гражданских лиц» полной ерундой, а свою нынешнюю работу «отстоем», но его держали на работе за исключительный профессионализм, который мог сравниться разве что с его исключительной ленью. Неожиданные визиты в гараж местных бомжей, наверное, покажутся шефу безопасности милой и смешной шуткой, и он, оторвавшись от очередного детектива и качая ногой, объяснит ей, как «обезопасить себя».

И она себя «обезопасит». Эта мысль показалась ей утешительной. На самом деле, наверное, от любых бомжей и наркоманов можно себя «обезопасить». А соседям она позвонит — где-то был телефон, она разыщет и позвонит. Спросит, что это такое за явление природы на сопредельной территории. Может, он и не водитель, а сторож, к примеру. Или грузчик. Может, они решили мебель вывозить или еще что-нибудь и заранее вызвали грузчика.

Нужно посмотреть, что у них за машина.

Машина оказалась какой-то совсем не «грузчиц-

кой» — «Рейндж Ровер Вог». Не слишком новая, но очень солидная, купленная в «салоне», о чем свидетельствовали мелкие букровки по периметру номерного знака. «Муса-Моторс» и телефон, тоже солидный, легко запоминающийся. Лиза искренне считала, что автомобили, купленные в «салонах», всегда немного лучше машин, купленных невесть где.

Может, все-таки водитель?..

Лиза обошла джип — из-за тонированных стекол невозможно было разглядеть, что внутри, — только ее собственное отражение прошло по выпуклым стеклам. Лиза посмотрела довольно равнодушно. Она никогда особенно себе не нравилась и сейчас не понравилась тоже.

Вот послушалась отца, который все убеждал ее, что один гараж на двоих с соседями — замечательно!

— Главное, экономия какая выйдет! — энергично говорил он. — И места меньше займет!

Лизе не хотелось ни с кем связываться, вот такая она была индивидуалистка. Кроме того, она пребывала в убеждении, что любой совместно-соседский проект непременно кончится какими-нибудь неприятностями — все или поссорятся, или подерутся, или никогда не смогут поделить «полезную площадь». Но отцу затея совместного гаражного строительства очень нравилась — экономия налицо, кроме того, ему вообще очень нравилось все «совместное и общее», как в далеком комсомольском детстве!

— Все будет общее и совместное, а проблемы твои личные, — говорила мать, глядя в сторону. Отцовский энтузиазм ее раздражал, кроме того, она тоже была махровой индивидуалисткой, как и ее дочь.

— Ну, какие, какие проблемы?!

— А вот трубу прорвет, или отопление разморозится, или ключи потеряешь, или влезут, не дай бог!.. Или они станут выезжать, машину Лизину заденут, и что тогда?! Зачем нам лишняя нервотрепка?

— Да не будет никакой нервотрепки, говорю тебе!

— Ну, конечно, будет! Это вечная история с тобой — тебе бы только чужим людям угождать, а на своих наплевать тридцать раз.

— Ну, скажи, скажи еще что-нибудь поумнее!

Мать махала рукой — все и так было ясно, и гараж построили «на двоих». Справный кирпичный гараж на границе участков, с двумя парами автоматических ворот, которые так неторопливо и важно поднимались, когда подъезжала машина, и выбеленное гаражное нутро заливалось ярким синим светом, и все это Лизе очень нравилось. Ей одной такой гараж на самом деле был бы не по карману.

Особенно удачным оказалось то, что в нем так и стояла одна-единственная Лизина машина, никакие соседские не появлялись. Соседи вообще на своем участке никогда не появлялись, Лиза их знать не знала. Появлялся единственный человек — всехний сторож Леша, который деловито заходил на участок, пошмыгивая сизым от частых возлияний носом, удалялся по тропинке за сосны. Соседний дом стоял в глубине, и с Лизиного крыльца его видно не было. Леша оставался на участке некоторое время, а потом выходил из ворот с озабоченным и удовлетворенным лицом, как все люди, сделавшие нужное и важное дело.

А больше никого и никогда не было.

До сегодняшнего дня. До сегодняшнего бомжа.

Господи, как она не любит такие дурацкие, не-

нужные, неожиданные проблемы! Ей некогда, у нее работа, роман, Новый год на носу, и очень хочется поехать в Финляндию, а заниматься поездкой решительно некогда. Все кончится как в прошлом году — она дотянет до последнего дня, когда посольство закроется на рождественские каникулы, и билетов будет не достать, и мест в гостинице не получить, и останется на все праздники в одиночестве. Будет есть, спать и смотреть телевизор — глупейшие новогодние шоу и глупейшие новогодние фильмы, давно выученные наизусть от первого до последнего слова, — растолстеет, обзлится, а на подбородке непременно вылезет прыщ, с которым она промается до февраля!.. В этом году ей хотелось нарушить традицию отмечать Новый год всей семьей на даче.

Лиза завела свою машину, косясь на пришлый «Вог» неподалеку, вышвырнула из-под каблука снеговую автомобильную щеточку, купленную третьего дня в «салоне», и побежала открывать ворота.

Ничего, может, все и обойдется. Наркоманы и алкаши не ездят на «Вогах». Они валяются под заборами и спят на автобусных остановках. Они всегда так делают.

Ворота с тихим и приятным шорохом поехали вверх, зимний, очень яркий свет хлынул в гараж, и электричество побежденно померкло и растворилось в снеговом сиянии. Лиза зажмурилась и вздохнула радостно. Ей очень нравилась зима, причем именно та, которая не нравилась никому, — декабрь, самый темный и мрачный, задыхающийся в автомобильных пробках, разукрашенный елочками, лампочками и гирляндочками, отягощенный толпой, мечущейся в поисках подарков, с коричневой дорожной хлябью, выхлестыва-

ющейся на тротуары, и истерическим предчувствием долгожданного и продолжительного веселья.

Лиза все это очень любила.

Она уже выехала из гаража на дорогу и поправляла зеркало заднего вида, в котором отражались пустынный переулочек и длинный забор, когда зазвонил телефон.

— Елизавета Юрьевна, это Мила. Доброе утро.

Так звали ее секретаршу.

— Привет.

— Во сколько вас ждать?

Лиза осторожно сдала назад, стараясь не угодить в сугроб, и мельком глянула на едва видный из-за стены деревьев соседский дом — такой же неподвижный и молчаливый, как обычно. Никаких признаков жизни.

— А что такое, Мила?

Никаких дел на утро не было запланировано, Лиза знала это точно, именно поэтому и опаздывала всласть, что редко себе позволяла.

— Заказчики звонили, хотели подъехать.

— Какие именно заказчики? У нас их два десятка.

— Медицинские.

Это было неожиданно. Лиза поправила наушник мобильного телефона. «Медицинский» заказчик, крупная фармацевтическая фирма, появилась недавно, и Лиза очень гордилась собой. Заполучить их было не просто, а она заполучила.

Что могло случиться, зачем им понадобилось приехать, да еще так срочно?..

— А кто именно звонил?

— Альфред Миклухин.

Вот такое имечко у главного рекламщика фармацевтической фирмы. В конторе его моментально пере-

именовали в Миклухо-Маклая, или просто в Маклая — а как еще его можно было переименовать?!

— Мил, что он сказал? Только точно!

Мила тихонько вздохнула на том конце провода.

Елизавета Юрьевна была сложным начальником. Секретарши у нее менялись постоянно, и Мила пока продержалась дольше всех, почти четыре месяца.

— Он сказал, что хотел бы лично с вами обсудить рекламную концепцию препарата. Он только вчера получил наши разработки и...

— Как вчера?! — вскрикнула Лиза. — Мы все отправляли неделю назад! Да или нет, Мила?!

Машина, словно чувствуя ее раздражение, недовольно плюхнулась рылом в какую-то яму, двигатель надал и заревел.

— Мила?!

Но секретарша не испугалась. Вот в чем она была уверена совершенно точно, так это в том, что план рекламной кампании отправлен «Миклухо-Маклаю» именно неделю назад.

— Елизавета Юрьевна, я отправила курьера восьмого числа, у меня записано. Он приехал и привез расписку, что заказчики план получили. Все в порядке.

— Если бы все было в порядке, — отчеканила Лиза, — Альфред Георгиевич не стал бы звонить. Хорошо, я сейчас приеду и во всем разберусь сама, раз уж вы не можете!

— Елизавета Юрьевна...

— Все, Мила. Я скоро буду.

И, очень раздраженная, Лиза нажала «отбой».

Никто и ничего без нее сделать толком не может! Всем все приходится повторять по сто раз — и все равно никто и ничего не понимает, не помнит и поми-

нутно ошибается! Господи, ну почему все подчиненные без исключения такие тупицы и лентяи!

Игорь всегда повторяет, что с людьми невозможно работать! С железными чушками гораздо легче.

Однако железные чушки не умеют писать рекламные программы!

Лиза притормозила перед выездом на шоссе, глянула в зеркало и нажала на газ. Какой-то идиот засигналил, и она энергично посигналила в ответ. Подумаешь, она ему мешает! Он ей мешает тоже!

Телефон опять зазвонил, и Лиза нажала кнопку.

— Да!

— Опаздывать изволишь?

Лиза улыбнулась. Игорь редко звонил ей по утрам, и каждый раз это было небольшое событие.

— Ну что? Проспала?

Она не проспала, она еще вечером решила, что непременно опоздает. Ей очень нравилось утро — сборы на работу, когда можно позволить себе расслабиться и никуда не спешить. Ванна с лавандовым маслом, бодрое и теплое гудение фена, кофе в маленькой турке, рыжий апельсин с толстой шкуркой, пахнущий на всю кухню зимним праздничным запахом, ноги в толстых носках, и некоторое время можно не думать о том, что их все-таки придется засунуть в остроносые ботинки на высоченных, неудобных, тоненьких каблуках!

Она не проспала, она никогда не просыпала, но в такой возможности было что-то, показавшееся ей чрезвычайно сибаритским и очень женским, и она призналась, что проспала.

— А ты? Уже на работе?

— Я уже час как на работе.

— Ты умница, — промурлыкала Лиза. — Ударник капиталистического труда.

Приемник бодро грянул про то, что «мы все майские розы, мы все только с мороза», и Лиза сделала звук потише. Она знала, что Игорь никаких таких песнопений не любит, моментально раздражается, раздувает аристократические ноздри. В его присутствии она должна была слушать только органные фуги Баха, Паваротти и Эмму Шаплин.

— Пообедаем сегодня?

Тут Лиза насторожилась немного. Сегодня был «его» день — по плану они собирались ужинать, именно ужинать, а не обедать, а потом у них намечен «романтический вечер», у нее в доме или у него в квартире, смотря по обстоятельствам. У Игоря часто не было настроения тащиться за город. Он вообще не слишком любил Лизину «сельскую жизнь».

Она перестроилась в правый ряд и теперь плелась за фурой, беспощадно поливавшей лобовое стекло ее машины грязной водой из-под колес. «Дворники» постукивали энергично, но только размазывали грязь.

— Черт поberi, — пробормотала она, — ничего не видно!..

— Что?

— А мы вроде бы ужинать собирались, Игорь. Или нет?

— Ты знаешь, я сегодня не могу, — сказал он быстро. — У меня вечером собрание трудового коллектива. Форсмажор. Обстоятельства непреодолимой силы.

Какая-то фальшь почудилась Лизе в этих самых «обстоятельствах», но виду она не подала.

Она очень умная женщина. Умнее всех. По крайней мере ей хотелось так думать.

— А... во сколько у тебя собрание?

— Да в шесть, но бог знает, сколько оно продлится. Может, до ночи!

— А... вчера ты про собрание не знал?

— Да я его только сегодня назначил!

— Что-то случилось?

— Ничего не случилось, — сказал он нетерпеливо, — все нормально. Просто мне надо перед Новым годом народ построить, только и всего. Ну что? Обедаем?

Лиза несколько секунд посоображала.

— Игорь, я пока не знаю. Сейчас доеду до офиса и позвоню, хорошо? У меня днем вроде бы какие-то встречи были назначены, надо посмотреть.

— Ну хорошо, — легко согласился он. — Тогда я жду. А опаздывать все-таки не стоит!

Он был очень правильным — во всех отношениях — и никаких «неправильностей» не признавал.

— Да! — спохватилась Лиза. — Ты знаешь, утром в моем гараже оказался какой-то мужик, представляешь? Я так испугалась, хотела в милицию звонить, но он ушел, и я...

— Что за мужик?! Как он мог очутиться в твоём гараже?! Или ты забыла на ночь ворота запереть?

— Ничего я не забыла, Игорь! Я пришла за машиной, а там кто-то стоит, в глубине...

Воспоминание вдруг хлестнуло, как раскаленным прутком, повлажнили ладони, поехали по обшивке руля. Лиза руль перехватила.

Оказывается, она испугалась гораздо сильнее, чем думала. Намного сильнее...

— А ворота? Ворота были открыты или закрыты?!

На этот вопрос она не могла ответить. Когда она подходила к гаражу, ее створка ворот была закрыта, совершенно точно. А вторая, соседская... На нее она даже и не смотрела. Она никогда на нее не обращала внимания.

— И что он там делал, этот мужик?!

— Да ничего. — Лиза вытерла ладонь о брючину. — Ты знаешь, это странно, но он там ничего не делал. Когда я заявила, что вызову милицию, он просто ушел.

— Ты что, с ним *разговаривала*?!

— Да не разговаривала я! Я просто сказала ему, чтобы он убирался, иначе вызову милицию!

— Надо было бежать оттуда, не вступать в переговоры! Ты ненормальная! Ты что, не слышала никогда про то, как дачи грабят, а хозяев убивают?! Милицию она вызовет!

— Игорь...

— И что?! Ты просто уехала, и все?!

— А что мне было делать?

— Замки менять. Охрану с работы вызывать! Звонить кому-нибудь! Подключать! Откуда я знаю, что делать?! Но он влез один раз и еще сто раз влезет, а ты там одна живешь, в этой дыре! А он в следующий раз еще и приведет кого-нибудь!

Лиза начала потихоньку злиться. Она не убогая старушка и не школьница-ромашка, она совершенно вменяемый человек и уже решила, что непременно подключит Макса Громова, а в милицию звонить все равно нет никакого толку, и это всем понятно, в том числе и Игорю, который очень «правильно» гневается в трубке!

— Игорь, я заперла ворота и уехала оттуда! Я сей-

час поговорю с нашим начальником службы безопасности, может, он мне что-нибудь посоветует! И что я могла еще сделать?! Кроме того, он приехал на «Рейндж Ровере»! Вряд ли простой жулик приехал на «Рейндж Ровере», чтобы меня ограбить!

Игорь некоторое время помолчал, словно внезапно поперхнулся, а потом спросил осторожно:

— А ты ничего, часом, не путаешь? Может, на машине соседи приехали, а он уже потом влез?

— Я не знаю! Я поговорю с Максом!

— А соседи?..

— Что соседи?

— Их ты не видела? Не звонила им?

— Нет! — почти крикнула Лиза и дернула переключатель. «Дворники» заработали с удвоенной силой, но лучше не стало. Грязь летела веером, размазывалась по стеклу. — Я их вообще никогда не видела! И сегодня тоже!

— Надо написать заявление в милицию. Просто чтобы оно у них было, на случай каких-нибудь... неприятностей.

— Ты хочешь сказать, если он меня все-таки пристукнет?!

— Лиза, ты говоришь ерунду. — Голос у него зазеленел и стал похож на шершавую сосульку, облепленную снегом.

— Нет, это ты говоришь ерунду. Лучше приезжай вечером ко мне, и сам все увидишь! И «Рейндж Ровер» тоже увидишь, если он все еще будет там стоять!

— Я сегодня не могу, я уже сказал! Я не могу и тебе возвращаться на дачу не советую. Езжай к родителям, это безопаснее.

— Игорь, — язвительно заявила Лиза, — я вполне контролирую ситуацию.

— Ну да, — согласился он, — я понимаю. Ведешь разговоры с бандитами, которые влезли к тебе в гараж! Ситуация под контролем!

Ему не хотелось заниматься ее проблемами, и это было совершенно очевидно. Не хотелось задумываться, тревожиться и вообще... «обременяться». Он был к этому «не готов».

«Но я был не готов жениться!» — сообщил он с некоторой мужской горечью, когда в какую-то минуту откровения рассказывал Лизе о своей несостоявшейся личной жизни. Несостоявшаяся личная жизнь была у него до Лизы, и «они расстались», как сообщил Игорь грустным голосом. Лиза решила поначалу, что они «характерами не сошлись», а оказалось, что он был «не готов»! Формулировки вполне достойные друг друга и вполне взаимозаменяемые.

— Я тебе позвоню, — пообещал Игорь из телефонной трубки. — А ты не должна делать глупостей. Впрочем, вы с сестрицей только и занимаетесь глупостями.

— Игорь, прекрати.

— А разве не так? Вместо того чтобы работать, вы только болтаете!..

Это было решительно не так, ибо Лиза только и делала, что работала, и очень даже успешно, и ее сестра Дунька, преуспевающая журналистка, тоже только и делала, что работала, и тоже вполне успешно. Но, очевидно, это «не считалось». Это никогда не считалось.

Игоря раздражало, когда они подолгу болтали по телефону, еще его бесило, когда они болтали в кафе или на стоянке возле магазина.

Он все время приводил им в пример каких-то до-

стойных женщин, его бывших и нынешних знакомых, которые никогда не болтали, не тратили время на кофе с клубничным тортом, не шатались по магазинам, не торчали подолгу возле витрин с бельем или обувью, облизываясь, шушукаясь и ничего не покупая. Те достойные женщины все время работали — видимо, и днем, и ночью. Эти арии в исполнении Игоря всегда приводили Лизу в уныние, заставляя сознавать собственное несовершенство, она вздыхала, огорчалась и давала себе слово, что в следующий раз ни за что не пойдет с Дунькой на кофе с клубничным тортом.

Или нет, нет. Пойдет, конечно, разве она может не пойти, но только Игорю ни за что об этом не расскажет.

И вообще кто придумал, что мужчине можно обо всем рассказать, поплакаться, попросить совета, пожаловаться на жизнь или похвалиться успехами?! С ним нужно держать ухо востро, никогда не расслабляться и, самое главное, не верить ему.

Она и не верила. Никому — ни женщинам, ни мужчинам.

— Ты не должна на меня обижаться, — произнес вышеупомянутый Игорь ей в ухо. Голос его стал мягче. — Просто я за тебя беспокоюсь.

— Ну, так приезжай вечером! И не беспокойся.

— Лиза, я уже сказал тебе, что вечером не могу. Ты что, не слышала?

Она отлично слышала, но время от времени вся эта канитель ее удручала. Ну, ведь все уже давно понятно. Все было понятно с самого начала, с той минуты, когда он взялся растолковывать ей, как именно должна вести себя женщина, а как не должна.

Лизе казалось, что она отлично знает, как себя вести, — ей давно все уже растолковали бабушки и мать, а то, что они упустили, было приобретено с опытом и знаниями.

Учиться, учиться и еще раз учиться.

— Я тебе позвоню, — сказала Лиза искусственным нежным тоном и покосилась на приемник, в котором произошли изменения и вместо «майских роз» появился Максим Леонидов. Лизе хотелось его послушать, а для этого нужно побыстрее попрощаться. — Я тебя люблю.

Это было вранье, но куда ж деваться!

— И я тебя люблю, зайка, — сказал Игорь, и это тоже было вранье, и в его голосе тоже звучала искусственная нежность, и они, в разных точках пространства нажав кнопки на своих телефонах, испытали схожее облегчение.

Ну, поговорили, и слава богу.

«Мне досталась в этой пьесе очень маленькая роль, — пел Леонидов Максим. — В ней всего четыре слова: «Мы прорвемся, мой король».

Это ее поддержало. Должно быть, он знает, о чем поет, этот далекий и неизвестный Максим Леонидов. А раз он знает, значит, она... не одна.

Все будет хорошо. Мы прорвемся, мой король.

Правда, с королем большие проблемы, но это ничего. Она и сама по себе королева, удавшаяся во всех отношениях!

На работе все оказалось не так уж ужасно, как Лиза подозревала. Она всегда подозревала своих сотрудников во всех смертных грехах, особенно же подозрительной стала, повстречавшись с Игорем, который считал, что с людьми работать нельзя!

Все ей казалось, что в ее отсутствие Мила потеряет все до одной бумаги, Света Крюкова нахамит по телефону заказчикам, Костик Брылев перепутает рекламный слоган, придуманный для фармацевтов, со слоганом для шоколадных конфет, Ира поссорится с журналистами, а Маруся забеременеет и уйдет в декрет, Макс Громов проворонит жуликов, Леша Горский сотрет в компьютере все базы данных.

Вряд ли все это могло случиться на самом деле, но тем не менее она приезжала на работу с некоторой опаской, словно ей предстояло прыгнуть с вышки в холодную воду и всякий раз, выныривая, она как будто заново удивлялась, что осталась жива.

— Мила, что там с Миклухиным? Вы разобрались?

Лиза стояла у стола, курила и просматривала бумаги. Секретарша маячила в дверях — ближе не подходила. Лиза перевернула лист, отложила его и мельком на нее взглянула.

— Я не разбиралась, Елизавета Юрьевна, вы же сами сказали, что приедете и...

— Мила, я сто раз вам повторяла, что если уж вы работаете, работайте хорошо! Что значит, я приеду?! А у вас самой нет никаких обязанностей, что ли?!

Это был «наезд» ради «наезда», и они обе это понимали.

— Соедините меня с ним и позовите Крюкову.

Мила метнулась выполнять поручение, и вслед ей Лиза крикнула, чтоб Крюкова просто так не приходила, а захватила с собой медиаплан.

Секретарша пропала из виду, и на ее месте в дверном проеме воздвигся Макс Громов, начальник службы безопасности.

— Лизок, — спросил он весело, — ты как без меня? Не скучаешь?

Потому, что он так в кабинет и не вошел, Лиза догадалась, что в руке у него что-то неположенное — видеокассета с боевиком или новый детектив. На службе Макс маялся от безделья и все требовал, чтобы Лиза его «загружала», хотя охранял он не только ее, но и несколько других офисов, арендовавших помещения именно в этом бизнес-центре. В тех офисах тоже были начальники и начальницы, но приставал он почему-то только к Лизе.

Лиза относилась к нему «как к другу» — изумительная и очень женская формула, в принципе недопустимая для мужского понимания.

Мужики «дружат» исключительно в надежде на «продолжение». Женщины «дружат», понимая, что никакого «продолжения» никогда не будет, и об этом им известно с первого взгляда на конкретную особь мужского пола. По крайней мере, Лиза именно так себе это представляла.

Не будет у них никакого «продолжения», но с Максом удобно, весело, безопасно и надежно. Он часто помогал ей улаживать какие-то мелкие дела, ее собственные и сестрицыны, никогда не подводил, всегда был готов к услугам, и она беззастенчиво этим пользовалась, иногда томясь от собственного свинства.

Когда желудь спелый, его всякая свинья слопает.

— Макс, хочешь кофе?

— Спасибо.

— Спасибо — да, или спасибо — нет?

— Да, да! — воскликнул Громов, принимая подачу. — Конечно, да! Немедленно и побольше. Ты наливай, а я сейчас.

— Да ладно, — сказала Лиза, разливая по чашкам густой и крепкий кофе, — входи. Что там у тебя? Роман или кино?

Макс смешно поморщился, потом взглянул на свою руку, скрытую от Лизы, как будто точно не знал, что у него там, затем сделал какое-то движение и зашел. В руках у него ничего не было.

— Макс, куда ты дел?..

— Что?

— Ну, что в руке держал.

— Я ничего не держал, — сказал он весело. — Тебе показалось.

— Ну, ладно, признайся, куда дел? В штаны засунул?

— Можешь проверить, — томным голосом предложил Макс, — со всех сторон. Хочешь?

И он сделал движение, будто собирается расстегнуть ремень. Лиза попыталась его остановить, и в этом пикантном положении их застала вернувшаяся Мила. Миле Макс нравился не только «как друг», и она моментально оскорбилась, хотя о шашнях начальницы и главного охранника в конторе отродясь никто ничего не слыхал.

— Елизавета Юрьевна...

— Да. — Начальнице стало неловко, что ее «застукали». Вот ведь и не делала ничего, а все равно неловко! — Что там? Крюкова уволилась, а Миклухин запил?

— Света сейчас придет, — ломким от гордости голосом сказала Мила. — А Миклухин просился приехать. Примете?

— Мила, вы что? С ума сошли? Когда заказчик собирается приехать, ему надо в ноги поклониться, а не

спрашивать у меня, приму или не приму! Конечно, в любое время, когда там ему удобно! Только документы мне подготовьте и заранее скажите, во сколько его ждать.

После чего она решительно прошествовала за свой стол, уселась и поставила на столешницу локти, как бы утвердившись в этом положении. Макс пил кофе.

— Громов, — спохватилась Лиза, — слушай, мне надо с тобой посоветоваться.

— Советуйся.

— Я утром в своем гараже застучала бомжа.

— О как, — сказал Макс и поставил чашку. И посмотрел серьезно. — Он что, там уснул?

— Нет, он приехал.

— Бомж приехал в твой гараж?!

— Ну, он не то чтобы бомж, — заговорила Лиза, — но такой довольно потертый мужичок. Он приехал на машине.

— В твой гараж?!

— У нас общий гараж с соседями.

— Подземный, что ли?

— Да нет, почему подземный! Наземный у нас гараж. На две машины. И я раньше никогда его не видела.

— И как он тебе объяснил свое появление?

Лиза задумалась.

— Пожалуй, никак. Никак не объяснил.

Он ведь и вправду ничего не объяснял, но из чего-то Лиза все же сделала вывод, что он ее новый сосед. Или старый сосед, которого она никогда раньше не видела.

— И он приехал на машине?..

— Ну да.

— И ключи от гаража у него были? Или он замок ломал?

— Н-нет. Не ломал.

— А машина какая?

Почему-то Лизе не хотелось говорить, что у него «Рейндж Ровер». Этот самый «Ровер» решительно не укладывался в образ бомжа, а ей не хотелось выглядеть дурой в Максовых глазах.

— Какая-то дорогая у него машина. Большая.

— Значит, — подытожил Громов, опять принимаясь за кофе, — машина дорогая, замок он не ломал, на полу не спал и к тебе не приставал. Или приставал?

— Нет, Макс!

— Ну и успокойся. Если ты выяснишь его фамилию, я тебе все про него расскажу, но это скорее всего просто сосед, которого ты не знаешь в лицо. Только и всего.

Он пожал плечами и посмотрел утешающе, как будто извинялся за то, что лишил Лизу неких детективных переживаний.

— Когда его увидишь, спросишь, как зовут, расскажешь мне, а я все выясню. Идет?

— Идет.

Все это было лучше, чем завывания Игоря о том, что она должна немедленно броситься к родителям, там окопаться и выставить наружу ручной пулемет системы «максим», чтобы отстреливаться от врагов.

— Лиза, можно к тебе?

На пороге возникла Света Крюкова — с папками в руках, видно, Мила предупредила, что начальница не в духе и требует ее к себе «с документами».

— Я пошел, — озабоченно сказал Макс, ложкой доел из чашки сахар и поднялся. — У меня дел полно. Некогда мне тут с вами...

Света бочком вошла и остановилась.

Она была довольно умненькой, исполнительной, но не слишком инициативной, как все сотрудники средней руки. Лиза знала о ней только то, что она красит губы алой помадой и любит старинные украшения и безделушки. На столе у Светы обычно лежали какие-то альбомы и каталоги, которые она исподтишка почитывала. Как-то они даже разговаривали о ее пристрастии, Света спрашивала, нет ли у Лизы чего-нибудь такого старинного и нельзя ли это посмотреть. Но у Лизы ничего не было, кроме керосиновой бабушкиной лампы, медальона с изумрудной искоркой, оставшегося с незапамятных времен, какой-то подделки под Фаберже, что пылилась на шкафу — пыль вытирать лень, — и еще портсигара с надписью «Люби меня, как я тебя, век не забуду я любя».

Лизу вся эта новоиспеченная мода на старину, на «купеческую Русь», на четырнадцатый год раздражала и казалась надуманной и искусственной.

Ну, что эта самая Света может понимать в старине?! Или бабушка у нее была графиня, а дедушка князь?!

— Света, проходи. Макс, а ты фильмы до вечера не смотри, одуреешь!

— Ладно-ладно.

— Слушай, я, кажется, машину не заперла. Что мне теперь делать?

— Сходи запри, — предложил Макс. — Или... Она у тебя где? Ты за шлагбаум заехала?

— Ну конечно.

— Тогда не ходи, — решил Макс. — Я ребятам сейчас позвоню, они присмотрят. Чего зря таскаться-то!..

— Спасибо тебе. Ты настоящий друг.

— Я настоящий друг, — подтвердил Макс. — Громов — друг детей.

Он вышел, и из приемной еще некоторое время доносился его голос, пониженный на несколько тонов — очевидно, он развлекал удрученную Милу, слегка флиртовал, отчасти пошучивал и своего добился. Мила тоненько засмеялась, потом затихла и после того, как хлопнула дверь в приемную, встревоженно заглянула в кабинет, не слышала ли начальница.

Вот дурочка. Молоденькая дурочка, которой нравится взрослый дяденька.

Лиза из вредности пересмотрела все принесенные Светой бумаги и дала три задания — одно невыполнимое, другое трудновыполнимое, а третье самое легкое. На первом она расстроится, на втором возгордится, а на третьем отдохнет и полюбит начальницу, и все будет хорошо.

Мы прорвемся, мой король.

Во второй половине дня приехал Альфред Миклухин, молодой, красивый, с портфелем «Тексьер», который он ставил так, чтобы время от времени в процессе разговора поглядывать на него. Портфель придавал ему значимости и уверенности в себе.

Лиза отлично помнила, как в первый день знакомства он решил научить ее правильно работать и долго объяснял, как именно ей следует относиться к его персоне, как его уважать и ценить. Хотя бы за то, что он, в отличие от Лизы, учился в Йельском университете, а степень получал в Сорбонне.

— Молодой человек, — сказала тогда Лиза, — если вы не знаете, то я вам сообщаю, что весь бизнес строится только на личных отношениях. Все остальное вторично — даже ваш профессионализм. Будь вы хоть

сто раз профессионал, но если мне с вами неприятно общаться, скорее всего никакого сотрудничества у нас не выйдет. Это, по-моему, самое большое заблуждение из всех, какие только могут быть. Никто не станет работать с неподходящим человеком, даже если он семи пядей во лбу. Ну как? Попробуем любить и уважать друг друга или расстанемся?

Альфред присмирел, и с тех пор все у них шло гладко.

Он проникся к ней уважением, а она перестала читать ему лекции о природе отношений в бизнесе. Теперь они с подчеркнутым вниманием относились друг к другу, отзывались на каждый звонок и «выезжали» друг к другу по первому зову.

Альфред сделал несколько корректных замечаний по программе, которую готовили Лизины сотрудники. Лиза некоторые замечания приняла, а некоторые отвергла, тоже очень корректно.

Потом он внезапно пригласил ее на ужин, очевидно, повинувшись некоему всплеску добрых чувств, произошедшему на почве обсуждения программы. Лиза отказалась, пообещав, что в «следующий раз» непременно и с удовольствием.

Этот самый «следующий раз» был сродни «дружбе». Альфред вполне удовлетворился ожиданием «следующего раза», а Лиза твердо знала, что никакого такого раза не будет.

Потом она позвонила сестре, получила от нее порцию руководящих указаний — сестра, несмотря на то, что была младше на целых полтора года, все равно руководящую и направляющую роль всегда брала на себя. Еще они обсудили, что подарить родителям на Новый год, какой именно торт они станут печь и где

бы взять мужчину, который под елочку положил бы бриллиантовое кольцо и билеты первого класса до Парижа. Можно и до Рио-де-Жанейро.

В самом конце дня Лиза неожиданно вспомнила, что Игорь так и не позвонил и на обед они никуда не ходили — а это было бы так здорово, так красиво, как в телевизоре! Он и она обедают вместе, улучив минутку среди бесконечной череды дел, и два портфеля на полу стоят, привалившись друг к другу кожаными щеками, а они перешептываются над тарелками с салатом и вазочками с желе, молодые, успешные, состоявшиеся всем на зависть!

Подумав, Лиза позвонила ему на мобильный, но он трубку не взял, и она огорчилась немного.

До дома она добиралась долго — снег шел целый день, расчистили, как водится, только одну полосу, и все машины тупо стояли в этой самой полосе, как в очереди. Лиза тоже стояла в очереди, подпевала приемнику, постукивала по рулю, а потом принялась кусать заусенцы — привычка, за которую ее все время ругала сестра Дунька, но невозможно, невозможно было уже подпевать приемнику, злиться и ничего не делать!

Она приехала в Рощино, злая и голодная, с обкусанными ногтями, затормозила у ворот и сильно перепугалась, когда увидела громадную черную тень, которая двигалась по белой гаражной стене.

Лиза, как любой столичный житель, мгновенно впадала в панику. Эта самая паника — плата за жизнь в русском мегаполисе — все время подстерегала рядом. Любое отклонение от привычного казалось Лизе, и она подозревала, что не только ей, фатальным и страшным. Что на этот раз?.. Взрыв, удушающий газ,